

2

«Когда родился Цезарь?» Теория и практика истины у Плеханова и Богданова

Евгений В. Павлов

Университет Денвера

«Когда родился Цезарь?» Теория и практика истины у Плеханова и Богданова

Аннотация

Несмотря на то что политические различия между фракциями Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) довольно хорошо изучены, теоретические дебаты о природе марксизма, а также их роль в определении программы партии и стратегических решений по-прежнему нуждаются в глубоком осмыслении. Одна из таких теоретических дискуссий — вопрос о природе (абсолютной) истины — является предметом рассмотрения в данной статье. Изначально полемика велась между Георгием Плехановым, одним из наиболее уважаемых представителей раннего русского марксизма, и группой теоретиков, сосредоточенной вокруг Александра Богданова, вначале союзника Ленина (вплоть до их разрыва в 1909 году) и автора нескольких оригинальных теоретических работ, в которых была предпринята попытка противостоять установившейся ортодоксии плехановского марксизма. Вопрос о природе истины стал центральным в дебатах между Плехановым

и Богдановым. Главный вызов, брошенный Богдановым представителям (самопровозглашенного) «ортодоксального марксизма», был вопрос об окончательном характере марксистской теории: является ли марксизм наукой или верой? Если это наука, то она должна существовать в рамках научной теории истины и, как и в случае с любой подлинной наукой, продолжать расти и адаптироваться к меняющимся условиям исследования. Если же она является верой, набором абсолютных истин, открывшихся одному человеку (Марксу) и передаваемых его последователям через сакральные тексты и с помощью назначенных пророков, то она обладает ценностью не более, чем любая другая вера или суеверие.

Ключевые слова

диалектический материализм, теория познания, объективная истина, догматизм, научный социализм, русский марксизм

Догматический способ мышления в знании и в изучении философии есть не что иное, как мнение, будто истинное состоит в положении, которое есть прочный результат, или также в положении, которое знают непосредственно. На вопросы вроде: когда родился Цезарь, сколько футов содержалось в стадии и т. д., — ответ должен быть дан безукоризненный, точно так же как определено истинно, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов двух других сторон прямоугольного треугольника. Но природа такой так называемой истины отличается от природы философских истин (Гегель 2015: 21).

Среди большого количества вопросов, которые занимали русских (и советских) марксистов, один выделялся своей непривычной абстрактностью и излишней теоретичностью, а именно вопрос о характере *истины* — философской, научной и политической. В дополнение к бесконечным дискуссиям о верности той или иной программы или политической повестки дискуссиям, которые имеют место в любом активном политическом сообществе, существовало дополнительное (зачастую сюрреалистическое) измерение высоколобых и абстрактных разговоров о природе истины и реальности. То, что

позже будет воспринято советскими исследователями марксизма как окончательное понимание истины, введенное и отстаиваемое Лениным в тексте «Материализм и эмпириокритицизм» (Ленин 1968а), возникло как результат более масштабной борьбы с различными марксистскими «еретиками», которые выдвигали и защищали различные теоретические платформы, нацеленные, согласно их критикам, на «дополнение» Маркса и марксизма новыми научными и социополитическими открытиями и идеями. Несмотря на то что в полемику были включены разнообразные группы и люди, основной нарратив может быть выстроен вокруг трех главных фигур: Георгия Плеханова (отца русского марксизма), Владимира Ленина (временами преданного сына, временами воинствующего противника Плеханова) и Александра Богданова (блудного сына и отступника). Эти три фигуры представлены работами: «Materialismus militans» Плеханова (три объемных письма, написанных в полемике с Богдановым с 1908 по 1910 год) (Плеханов 1957), «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина (опубликовано в 1909 году и переиздано гораздо большим тиражом в 1920-м) и эссе Богданова «Вера и Наука» (прямой ответ Ленину, а также плехановскому привкусу «догматического марксизма», опубликовано в 1910 году) (Богданов 2010). В историческом контексте эти дебаты, вероятно, не покажутся современному читателю особо изощренными или заслуживающими пристального теоретического внимания. Однако это первое впечатление ошибочно. В действительности, они стали предметом большого количества последующих обсуждений, повлиявших на развитие марксизма на Западе и в Советском Союзе.

Первые выстрелы прозвучали (Богданов против Плеханова)

Философские убеждения Богданова всегда раздражали Плеханова и Ленина, но, в то время как Ленин был готов закрывать на это глаза, Плеханов часто не скрывал своих взглядов по этому вопросу. Публичная конфронтация Богданова и Плеханова началась с открытого письма Богданова, опубликованного в 1907 году. Главное обвинение против «отца русского марксизма» состояло в том, что он якобы несет ответственность за множество более ранних скрытых атак на философские воззрения Богданова. Формальной причиной для этого открытого письма послужил вопрос от группы товарищей с Кавказа, переданный Богданову редакторами «Вестника жизни». Эти товарищи утверждали, что «как известно, некоторые тт. из лагеря большевиков (Богданов, Луначарский) являются защитниками эмпириокритицизма Авенариуса и философии Маха» (Богданов 1907: 46). После еще нескольких цитат из письма о том, что большевики,

такие как Богданов, считают теорию Маркса недостаточно разработанной и нуждающейся в дополнительной философии, а именно философии Маха, Богданов обращается к Плеханову и обвиняет его в организации кампании против всех «эмпириокритицистов» и «махистов». Вместо прямой и вовлеченной критики позиции Богданова, по мнению последнего, Плеханов ограничился саркастическими и пренебрежительными ремарками здесь и там (во введениях к своим переводам и книгам, а также в паре других мест).

Оптимизм, писал Богданов, привел его к убеждению, что Плеханов (и его ученики) очень близки к серьезному и открытому взаимодействию с его собственными идеями и недалеко от рационального аргументированного спора о природе их противоположных взглядов. Устав от ожидания и попытки привлечь внимание к этому вопросу, Богданов напрямую отвечает на нападения Плеханова в пространным введении к третьему тому своего «Эмпириомонизма» (частично написанного во время заключения за участие в революционных действиях 1905 года и опубликованного в 1906-м). Теперь в открытом письме Богданов резюмирует свое противостояние плехановскому марксизму следующим образом: 1) плехановское рассмотрение истины как чего-то безусловного и вечного разоблачает его, в противоположность Энгельсу, как очевидного и безнадежного поборника догматизма; 2) в плехановском взгляде на «материю» как нечто «первичное» и на «дух» как нечто «вторичное» отсутствует ясное объяснение природы этой «материи» и ее отношения к «духу»; 3) плехановское осмысление понятия «вещи-в-себе» непоследовательно и 4) плехановское исправление и развитие марксистской историко-философской теории противоречит историческому материализму и отклоняется в сторону идеализма.

Еще более ранние столкновения взглядов одного и другого никогда не выражались в форме публичных дебатов. Они были либо уклончивыми, либо осуществлялись через посредников, и двоих из них стоит упомянуть: «товарищ Ортодокс» (подходящее прозвище Любови Аксельрод, которая впоследствии станет известна как «Аксельрод-Ортодокс»), и некто известный как А. Деборин (да, *тот самый* Абрам Деборин, правда, в то время лишь увлеченный молодой ученик Плеханова).

Эссе Аксельрод, написанное против Богданова, носило меткое название «Новая разновидность ревизионизма» (1906) и было опубликовано в ставшей к тому времени меньшевистской «Искре» в 1904 году. Советский исследователь данного периода А. И. Володин следующим образом описывает обстоятельства написания этого эссе: в 1901 году (по-прежнему работая вместе с Лениным) Плеханов послал книгу Богданова на рецензию Аксельрод, затем прочитал ее сам и решил написать по ней «целое сочинение», но по какой-то причине так этого и не сделал (Володин 1982: 28). Из письма Плеха-

нова Ленину мы знаем о том, что он воспринял работу Богданова как «решительное отрицание материализма» (Ленин 1935: 237). Первые строчки эссе явно призваны посеять раздор среди большевиков, поскольку Аксельрод утверждает, что идея написания критики философских взглядов Богданова пришла непосредственно от Ленина в первой половине 1903 года (т. е. перед тем как Ленин покинул редколлегию «Искры»). Поворот к открытой критике теоретических позиций Богданова был явной атакой на большевизм как «новую разновидность ревизионизма» (Володин 1982: 37).

Аксельрод не пытается смягчить удар и с самого начала заявляет, что убеждения товарища Богданова «ничего общего не имеют с теорией Маркса и Энгельса» (Аксельрод 1906: 172), она, очевидно, оскорблена предположением Богданова о том, что некоторые взгляды Маркса и Энгельса были разработаны не полностью и нуждаются в последующем прояснении и дополнении. Материализм Маркса сводится ею к точке зрения, согласно которой объективная реальность существует вне и независимо от любого познающего субъекта, эта реальность воздействует на субъекта, тем самым снабжая его объективной информацией об истинном положении дел в мире. Великим открытием Маркса, согласно Аксельрод, стало выявление причины исторического развития как находящейся вне различных человеческих идей и вне человеческого сознания как такового (Аксельрод 1906: 175); Богданов же отвергает материализм и утверждает, что природа не существует вне человеческого восприятия и опыта, поэтому он ревизионист и идеалист. Разработка Аксельрод идей Богданова опирается на выборочные цитаты (зачастую вырванные из контекста), автор представляет его как настоящего лунатика, утверждающего, будто природа не существует вне сознания, поскольку она есть продукт общих ощущений и человеческих репрезентаций (Аксельрод 1906: 177).

Поскольку Богданов отвергает Маркса и его материализм, он должен отрицать «объективную причину исторической закономерности» (Аксельрод 1906: 180). Богданов идеалист и не воспринимает природу как существующую объективно вне человеческого опыта. Аксельрод выискивает в его работах все разновидности «противоречивых» утверждений и настойчиво возражает взглядам Богданова, согласно которым объективность истины обнаруживается в согласии различных мнений. Для Аксельрод эта объективность открывается в соответствии между мышлением и реальностью, фактически находящейся в независимости от любого человеческого мнения. Плеханов и его последователи будут излагать эту теорию снова и снова в качестве некоего догматического утверждения, которое — лишь по причине того, что оно истинно (или во многих случаях, поскольку Маркс якобы так сказал), — должно убедить тех, кто его слышит. Вывод Аксельрод заслуживает быть процитированным целиком:

Вследствие этого *научный социализм*, исходя не из общественного сознания, а из объективных общественных условий, определяет историческую тенденцию будущего не на основании общественно-го сознания, а на основании оценки степени развития производительных сил и их отношения к данной общественной организации. Если же придерживаться субъективного идеализма [т. е. убеждений Богданова] и признать, что единственным объективным критерием *социальной истины* служит коллективное сознание *данного* общества, то все социалистические стремления нашей эпохи, которые сознаны пока еще только меньшинством, должны представиться не чем иным, как *субъективной утопией* этого меньшинства (Аксельрод 1906: 184; курсив оригинала).

Если Аксельрод лишь намекает на статус Богданова как главного ревизиониста фракции большевиков, то Абрам Деборин утверждает это вполне открыто и без оговорок в своем полемическом сочинении 1908 года «Философия Маха и русская революция», опубликованном в «Голосе социал-демократа». Перечислив стандартные обвинения против Маха (читай Богданова), Деборин заключает, что:

Махизм — это мировоззрение без мира — в качестве философии субъективизма и индивидуализма образует в сочетании с ницшевским имморализмом, дающим оправдание «зла», эксплуатации и проч., идеологический туман, окутывающий практические стремления буржуазии. Большевистские философы в «идеологии» своей не переходят за пределы мелкобуржуазного кругозора. Большевистские же стратеги, тактики с их романтическим революционизмом и мелкобуржуазным радикализмом, прилагают на практике теоретические принципы философского нигилизма, в основе которого лежит *отрицание объективной истины* [...] Наши махообразные марксисты — сознательные большевики, «осмысливающие» практику и тактику последних. Большевистские же тактики и практики — бессознательные махисты и идеалисты (Деборин 1908: 12) (курсив мой. — Е. П.)

Здесь подразумевается, что философские взгляды Богданова являются не просто мнением одного человека или небольшой группы, а представляют общую антимарксистскую девиацию большевиков, их мнимую тенденцию к использованию марксистской фразеологии лишь в целях манипулирования массами и преследования своей не-марксистской повестки.¹ Когда большевики отрицают объ-

---

¹ Это мнение принадлежит непосредственно Плеханову, который придерживался убеждения, согласно которому «Богданов — это теоретик большевизма, а Ленин — его распутник» (цит. по: Steila 1991: 53).

ективную истину, они отрицают марксизм и скатываются в субъективизм и имморализм. А что есть объективная истина? Это истина открытия объективных законов социального развития, впервые изложенных Марксом и Энгельсом и теперь разработанных далее (однако без дополнения или изменения) отцом русского марксизма Плехановым.

Оба прислужника Плеханова, утверждает Богданов в своем открытом письме, искажают его идеи и перевирают его тезисы до такой степени, что их нападения перестают быть честной критикой и переходят в «уголовщину» (Богданов 1907: 50). Все предприятие является примером пустых обвинений и ложных цитат, и винить надо Плеханова, поскольку его сторонники явно выполняют приказ атаковать Богданова и его товарищей. Эта «уголовщина» должна быть остановлена, Плеханов должен прекратить нападать на Богданова «в кредит» (в силу своих предыдущих достижений и своей репутации авторитетного представителя марксизма).

В мемуарах 1914 года, не опубликованных в то время, Богданов разделяет свой «поток отлучений» от марксизма на два периода, которые соответствуют двум священниками ортодоксального марксизма, возглавлявшим процедуры: Плеханову и Ленину. Последователи Плеханова («малые сии»), согласно Богданову, были лишь уполномоченными великого учителя, не наделенными оригинальностью и теоретической тонкостью.² Нападки Ленина, начавшиеся в 1909 году, были не чем иным, как занимательным примером трансформации: «Неожиданно, на глазах всей публики почтенный публицист и политик В. Ильин превратился в... философа. И какого философа!» (Богданов 1995: 93).

И Плеханов, и Ленин настаивали на необходимости пересмотреть понятие объективной (абсолютной) истины; действительно, в определенном смысле все эти дебаты, если не учитывать политические и личные послания, были сконцентрированы вокруг старой философской проблемы истины и ложности. Мы рассмотрим аргументы в порядке их появления, не забывая, что все будущие исследователи русского (и советского) марксизма знали только аргументы «ортодоксальных» марксистов, а с контраргументами встречались лишь косвенно, в цитатах отлучников. До относительно недавнего времени полемика Богданова с Плехановым и Лениным не была полностью доступна широкой публике, поэтому исследователи этого периода не могли понять, почему «богдановщина» нуждалась в столь интенсивных и частых взбучках.

---

² Отсылка к «малым сии» см. (Богданов 1995: 173). В русской первоначальной аллюзии на главу 18 Евангелия от Матфея и проповедь Иисуса о детях ясно, что «малые сии» здесь являются вторичными персонажами («детьми») по сравнению с такими великими архимарксистами, как Плеханов и Ленин.

Воинствующий материализм (Плеханов против Богданова)

В Советском Союзе в биографиях Плеханова подробно освещался двадцатилетний период, непосредственно связанный с его марксистской теоретической и политической деятельностью — с 1883-го (создание группы «Освобождение Труда») по 1903 год (переход Плеханова на сторону меньшевиков после Второго Конгресса). Хотя эта хронология соответствует большевистскому нарративу, она обращает наше внимание на то, что после 1903 года, и особенно после 1905-го, теоретическое и политическое влияние Плеханова начало сходить на нет. Как выразился Самюэль Л. Бэрон, времена изменились, а Плеханов нет, тем самым «в сфере политических дел Плеханов уже не мог предложить ничего нового», что сделало последнее десятилетие его жизни «затянувшимся, болезненным и несколько бессмысленным эпилогом» (Baron 1963: 279). Именно в контексте убывающего политического и теоретического влияния надлежит прочитывать едкие нападки Плеханова на любого, кто осмеливался поставить под сомнение его марксистские убеждения и его интерпретацию марксистской философии.

Письма Плеханова против Богданова были опубликованы под названием «Materialismus Militans». Интенсивность нападений Плеханова была такой, что даже те, кто был знаком с его специфической манерой «вести спор», были обескуражены. Всего было три письма: два были опубликованы в «Голосе социал-демократа», номерах 6–7, 8–9 за 1908 год,³ а третье — в собрании под названием «От обороны к нападению», появившемся в 1910 году.

Прежде чем мы перейдем к сути атак Плеханова на Богданова и приблизимся к вопросу об «абсолютной истине», кратко рассмотрим первоначальные аргументы, выдвинутые Богдановым против Плеханова и его взглядов на марксизм. В упомянутом выше «Эмпириомонизме» Богданов впервые (но не в последний раз) предпринял попытку артикулировать свои философские взгляды. Он поместил свое понимание марксизма в более широкий контекст того, что на тот момент являлось последними открытиями теоретической и прикладной науки. Третий том «Эмпириомонизма» начинается с прямой

---

³ «Голос социал-демократа» — журнал меньшевиков-ликвидаторов, издавался с февраля 1908 по декабрь 1911 года. Плеханов покинул редколлегия в мае 1909 года, однако отношения были напряженными уже в 1908-м, после Пятой Всероссийской конференции РСДРП. Ленин дал весьма суровую оценку журналу и серии эссе, в том числе в злоязычном «Как Плеханов и Ко защищают ревизионизм» (Ленин 1968b: 285).

апелляции к «товарищу Бельтову» (псевдоним Плеханова).⁴ Прежде чем приступить к опровержению Плеханова, Богданов резюмирует свою позицию, рассматривая «три материализма»: 1) наивный материализм ученых, занимающихся естественными науками; 2) социальный материализм Маркса и Энгельса и 3) смешанный, неопределенный материализм товарища Бельтова. Последний лучше всего обозначить как «материализм вечных абсолютных истин».

Проследивая свое собственное философское становление, Богданов замечает, что во времена первого знакомства с Марксом (и марксизмом) он в основном интересовался наукой и поэтому занимал, скорее, «старую материалистическую» позицию монизма: атомистическая материя — это содержание всего опыта, физического и психического. Однако после Маркса этот старый материализм больше не работал, поскольку требовалось «познать свое познание», и в этой ситуации мог сработать лишь новый тип «социально-генетического исследования» (Богданов 2003: 217). Такое исследование обнаружило, что фундаментальные понятия старого материализма — материя, неизменность законов природы и т. д. — были результатом социального развития человечества и, таким образом, являлись лишь временными истинами (истинными на протяжении конкретного периода времени), а не вечными или *абсолютными* истинами. Богданов аргументирует свое убеждение о необходимости отрицания всякой безусловной или вечной истины путем обращения к Энгельсу, но, в отличие от Плеханова, не с целью установления истины своих собственных взглядов (так сказал Энгельс, значит это истина), а чтобы показать, что преданный товарищ Маркса понимал истину таким же образом, и поэтому не прав в данном случае Плеханов с его квазирелигиозным поклонением абсолютной истине. В социально-исторических учениях не найти слишком много вечных истин (если таковые вообще есть), лишь большое количество «банальностей и общих мест худшего сорта», вроде известного примера, который позже станет главным пунктом дебатов о природе истины: «Наполеон умер 5 мая 1821 года» (Энгельс 1961: 90).

Что за истину представляет собой простая, расхожая банальность «Наполеон умер 5 мая 1821 года»? Или, используя пример Гегеля, процитированный выше, что стремится установить ответ на вопрос «Когда родился Цезарь»? Есть ли фундаментальная разница между истиной и банальностью? Для Богданова «истина — это живая организующая форма опыта, она ведет нас куда-нибудь в нашей деятельности, дает точку опоры в жизненной борьбе» (Богданов 2003: 218). Истина организует человеческий опыт; простое соответствие

---

⁴ Эта полемика между Богдановым и Плехановым, разумеется, уже была предметом большого количества исследований, см. хороший разбор проблематики в (Yassour 1983).

одного факта другому (смерть Наполеона и рождение Цезаря, например) *делает* очень мало, можно сказать ничего, и практически наверняка не существует ничего «вечного» или «абсолютного» в столь простых констатациях факта. Если дата смерти Наполеона — это такого же типа объективная истина, что и утверждения по поводу природы человеческого познания и общей цели революционной активности, то в таком случае, согласно Богданову, мы имеем весьма не-диалектический набор трюизмов, которые либо принимаются, либо отвергаются.

Одна из таких банальностей вызвала заметную суматоху в русской марксистской литературе, и без нее невозможно понять значенности всей дискуссии по поводу абсолютной или относительной истины — вопрос о *материи*. Критика Богданова была направлена на отсутствие ясного концептуального объяснения природы «материи». Принимая во внимание факт, что у Богданова не было интереса к таким метафизическим атавизмам, как понятия «природы» или «материи», его вызов, брошенный Плеханову и другим метафизическим материалистам, был достаточно простым и поэтому приводил последних в чрезвычайную ярость: что есть эта материя, которая фундирует все и при этом не может быть представлена в опыте? На вопрос «Что есть материя?» Плеханов ответил, что она есть то, что вызывает в нас различные ощущения. Решительно защищая ее от предполагаемого «субъективного идеализма» Богданова, Плеханов настаивал на этом «определении» и повторял его снова и снова. Хотя ни Богданов, ни Плеханов не формулировали это именно так, проблема, очевидно, состоит в следующем: вопрос «Что есть материя?» был поставлен без предварительного осмысления природы человеческого познания; спрашивать о «материи» уже предполагает то, что мы считаем ее источником наших восприятий и тем самым источником опыта и знания. Однако начать с рассмотрения материи означает начать с безличной метафизической точки отсчета: рассмотрев и человеческое познание (ощущения), и его возможный источник (материю), метафизик-неудачник вопрошает о природе того и другого. Тавтология становится очевидной, как только мы ставим вопросы в их корректной исторической последовательности: сначала «Как ощущения (и знание) возникли во мне?» — «Они возникли из *материи*»; затем «А что есть материя?» — «Это то, что воздействует на наши органы чувств и вызывает в нас различные ощущения». Классический пример замкнутого логического круга.

Рассмотрение природы *материи* без вопрошания об условиях возможности человеческого познания (от Декарта до Канта) подобно вопрошанию о природе Бога без предварительного исследования исторического возникновения и развития религиозной веры — полностью метафизическое и во всех отношениях немарксистское предприятие. Таким образом, положения Плеханова не только

старомодны с научной точки зрения, но и с самого начала являются скрыто идеалистическими аргументами.⁵ Если мы начнем с субъекта (индивидуального и коллективного), мы можем лишь прийти к теории знания, основанной на опыте (индивидуальном или коллективном), но никогда не к абсолютной или объективной истине. Даже природа математической истины — пример, не используемый Плехановым, — не столь достоверна, как можно подумать, поэтому если мы предположим, что существуют социальные или исторические истины, столь же бесспорные и объективные (абсолютные), как марксистские законы социального или экономического развития, все предприятие начинает пахнуть худшей разновидностью обскурантизма и метафизических помоев.

Теперь о «письмах» Плеханова против Богданова.

Первое письмо Плеханова Богданову, пожалуй, самое слабое среди других по теоретическому содержанию — это первый выстрел, полный не только логических ошибок, но и личных оскорблений и необоснованных обвинений. Несмотря на то что мы учитываем контекст и общие стандарты того времени в отношении полемического тона и риторических методов, которыми пользуется здесь Плеханов, нас по-прежнему слегка шокирует текст уважаемого и опытного писателя, выдвигающего в адрес оппонента ложные обвинения в том, что он — необразованная и дезинформированная деревенщина, не имеющая представления ни о чем-либо философском, ни о чем-либо политическом, полное ничтожество, осмелившееся предположить, будто Энгельс мог быть не прав, или что он, Плеханов, мог ошибочно понять Маркса. Общий тон первого письма ясен, и его также можно проиллюстрировать разговором с участием Григория Шкловского, который после Третьего Конгресса в Лондоне пытался успокоить разгневанного Плеханова, предположив, что жесткие слова, сказанные в его адрес на предварявших Конгресс дискуссиях, не были нацелены на то, чтобы полностью его отвергнуть. По поводу приравнивания отказа от посещения Конгресса к выходу из партии, Плеханов якобы сказал: «Плеханова, батенька, нельзя исключить из партии, ибо Плеханов — это программа партии, ее знамя» (цит. по: Тютюкин 1997: 218). Позиция Плеханова в первом письме подобна позиции единственного истинного марк-

---

⁵ Владимир Базаров (Руднев), очередной незаслуженно забытый участник этих споров, в своих эссе о вопросе материи открыто обвинял Плеханова и Ленина в мистицизме. См. «Мистицизм и реализм нашего времени». Это сочинение было первым в противоречивом («махистском», согласно Ленину) сборнике «Очерки по философии марксизма», опубликованном в 1908 году (Базаров 1908). Интерпретация, данная Базаровым фетишизму Плеханова, важна для понимания общего контекста богдановской критики.

систа, который вынужден указать безграмотному и оскорбительно самоуверенному невежде, что «Плеханова, батенька, нельзя исключить из русского марксизма, ибо Плеханов — это его программа, его знамя». Он, несомненно, крайне раздражен не столько Богдановым, сколько тем, что тот олицетворяет, — продолжительные атаки на ортодоксальный марксизм, нацеленные на «пересмотр» и «разработку» его основных доктрин.

Первое письмо задает тон не только обвинительной и пренебрежительной позиции, которую Плеханов не пытается скрыть от своих читателей, но и тон всей его манере «вести спор» со своими оппонентами. Это три легко определяемых риторических хода, которые совершает Плеханов, а затем повторяет их снова и снова. Первый ход — «мой учитель лучше, чем твой учитель», ход, который Богданов позже отвергнет как атавизм плехановского авторитарного мышления: чтобы понять чью-либо позицию, мы должны посмотреть на его предшественников (авторитетные фигуры). Сопоставляя собственные взгляды как взгляды последователя Энгельса (и, следовательно, последователя Маркса, близкого соратника Энгельса) и взгляды Богданова как взгляды последователя Маха, Плеханов продолжает отстаивать вопиюще детскую точку зрения, согласно которой его авторитетная фигура (Энгельс) сказала X, и поэтому, если авторитетная фигура Богданова (Мах) сказала Y и не согласилась с X, значит она точно не права, потому что «так сказал Энгельс».

Второй ход — постоянные ссылки Плеханова на правильную экзегетическую процедуру, которую по умолчанию должен выполнять каждый читатель, но сам Плеханов может ее спокойно отрицать в силу третьего риторического приема. Правильный способ прочесть Плеханова — это изучить все его работы и рассмотреть их в общем контексте его творчества: Богданов не читал и не понял книг Плеханова и, будучи необразованным деревенским мужланом от философии, изъясил все, что предположительно понял, из правильного контекста. Напротив, Плеханов не стеснен теми же правилами, поскольку его оппонент — «убежденный махист», который не может понять и придерживаться материалистической (марксистской) точки зрения. Богданов выдирает марксистского Плеханова из контекста, поскольку он преданный махист; Богданов не может понять материализм, поскольку он идеолог буржуазии. «Буржуазия боится материализма как революционного учения, так хорошо приспособленного для срывания с глаз пролетариата тех теологических повязок, с помощью которых его усыпители хотели бы остановить его духовное развитие» (Плеханов 1957: 220).

О попытках Плеханова защититься от обвинений в том, что его определение материи смутно и тавтологично, мало что можно почерпнуть из первого письма, кроме следующей мысли: если плехановское понятие материи соответствует тому, как его описывает

Богданов, то это так, потому что оно заимствовано непосредственно у Маркса и Энгельса. Поэтому, когда Богданов неверно понимает то, что «школа Маркса и Энгельса» говорит о материи, его можно простить, поскольку он любитель от философии; однако, когда Богданов верно интерпретирует взгляды ортодоксального марксизма, но все же критикует их, он становится открытым врагом материализма и революционного марксизма.

Разобравшись с персоной Богданова и его философией в первом письме, Плеханов посвящает большую часть своего второго письма более или менее детальному теоретическому анализу богдановской критики своих собственных взглядов на материю. Однако, вместо того чтобы повторять дискуссию о природе материи и «вещей-в-себе», давайте используем эту возможность для того, чтобы задать такой вопрос: почему для Плеханова (и позднее Ленина) было так важно установить и защитить прямолинейное (читай: наивное) реалистическое представление действительности? Ответ поможет нам понять не только напряженность этих дебатов, но и общую популярность обсуждаемых в них вопросов.

Когда Плеханов жалуется, что его взгляды на реальность и его определение материи вырваны из контекста, он частично прав, поскольку контекстом его собственного использования терминов вроде «вещи-в-себе», является его ожесточенная полемика с неокантианцами вроде Конрада Шмидта под общей рубрикой плехановских нападений на ревизионизм. Как сказал Бэрон в своих описаниях плехановской «защиты веры»: «...главной целью его крестового похода против неокантианства было установление баррикады, препятствующей проникновению скептицизма в социалистическое движение. Если бы внешний мир действительно был непознаваемым, то как жалки и нелепы были бы претензии тех, кто утверждает, будто основал *научный* социализм. Выбор был между скептицизмом (и здесь Плеханов смешал Канта и Юма и всех, кто поднимал вопрос о доступе к реальности) и «непоколебимой верой в неизбежность социалистической революции» (Вагон 1963: 181).

Тем не менее обсуждаемая проблема отнюдь не проста, поскольку реализм Плеханова является формой догматизма, которую как раз обнаруживает и артикулирует Богданов: любой вид реалистического настаивания на полной доступности и познаваемости «вещей» основывается на примитивном представлении о познании как о *пассивном* восприятии того, что есть, и тем самым предполагает скрытое допущение, состоящее в том, что мы либо видим «вещи» так, как их видит реалист, либо мы заблуждаемся. Простое реалистическое утверждение Плеханова о том, что вещи просто *есть* то, что они есть, усложняется необходимостью назвать эту основную реалистическую позицию разновидностью материализма. Именно в этой точке его материализм становится метафизическим, по-

скольку за «вещью-в-себе» (*Ding-an-sich*) стоит загадочная субстанция под названием «материя», которая объединяет и связывает все в материальную реальность. Догматизм, состоящий в прямолинейном настаивании на отсутствии необходимости исследовать условия возможности познания, выявил еще Кант в своем описании «догматического сна», от которого его пробудил Юм, споривший с так называемыми реалистами «здравого смысла», такими как Томас Рид и Джозеф Пристли.

Несмотря на то что Плеханов цитирует Энгельса в качестве своего основного авторитета по данному вопросу, отрывок, который он приводит, очень мало говорит о такой метафизической субстанции, как «материя». В своем знаменитом афоризме «доказательство пудинга состоит в том, что его съедают» из «Развития социализма от утопии к науке» Энгельс фактически признает, что выступать против Канта означает отставить всякую аргументацию и прибегнуть в базовому, непосредственному использованию вещей. Если воздействия на вещи соответствуют нашему восприятию их качеств, то наши восприятия демонстрируют свою истинность *на практике*, а не в теории (Плеханов 1956: 404–405). Энгельс, похоже, не зашел дальше, но Плеханов страшно нуждается в философской системе, поскольку, несмотря на его частые утверждения об обратном, суждение о его пудинге — следствие не проверки, а метафизического анализа составляющих частей этого пудинга.

Третье письмо Плеханова было написано и опубликовано позже в коллекции эссе (Плеханов 1910), поскольку его автор перестал сотрудничать с периодикой, опубликовавшей первые два письма. В нем Плеханов пытается показать, вновь не пренебрегая личными оскорблениями, что Богданов — плохой читатель и последователь Маха, потому что у него отсутствует знание элементарных правил аргументации и логики и т. д. Самое серьезное обвинение, согласно личным взглядам Плеханова, — это обвинение Богданова в отрицании существования физического мира, нелепое обвинение, которое впоследствии будет повторяться Лениным и множеством советских авторов. Это обвинение поддерживается несколькими базовыми примитивными реалистскими возражениями типа «реальность физического мира не может отрицаться, поскольку она прямо перед нами».

Любые вопросы, касающиеся нашей возможности воспринимать мир как он есть, вынужденно оборачиваются солипсизмом. Редуцируя сложный аргумент Богданова о характере познания и опыта к набору нелепых силлогизмов («Если все, что мы знаем о мире, есть опыт, то без опыта не существует и мира» и др.), Плеханов получает возможность освободить себя от непосредственного теоретического взаимодействия с отступником и псевдомарксистом.

Интерлюдия: Ленин против Богданова

Николай Валентинов, бывший союзник и сторонник Ленина, превосходно описал обстоятельства написания «Материализма и эмпириокритицизма». Согласно Валентинову, на то, чтобы пролистать 1200 страниц Маха и Авенариуса, Ленину понадобилось всего несколько дней. Он написал короткий «меморандум» и дал его Валентинову. Казалось, что Ленин никогда, в сущности, не притрагивался к Авенариусу, а «прочел» лишь достаточно Маха, чтобы с уверенностью заключить, что философия последнего — полная «белиберда». Несмотря на культовый статус в советской философии, в момент своего появления книга Ленина вовсе не была воспринята всерьез в качестве философского вклада в марксизм.⁶ На самом деле, работа вызвала насмешки и издевательства со стороны тех, кого она силилась полностью уничтожить. Ответ Богданова мы еще рассмотрим, однако другая фигура, которая подверглась нападению в книге Ленина, Владимир Базаров сказал об этой работе следующее: «Если писания наших трансцендентных материалистов далеко не блещут последовательностью и выдержанностью мысли, то книга В. Ильина даже среди этой литературы представляет нечто совершенно исключительное по своей сумбурности, выдвигая против своих противников — зачастую к тому же воображаемых — то трансцендентное, то реалистическое понимание материи, автор беспомощно блуждает между этими двумя соснами на протяжении 400 стр. своего непомерно разбухшего памфлета» (Базаров 1910: XXIII).

Ленин считал себя защитником ортодоксального марксизма и его главного положения, которое настаивало на абсолютной природе истины. Карл Баллестрем в одном из самых ранних исследований топики «Ленин против Богданова» представляет тему Истины следующим образом: «Чем больше читаешь Ленина, тем яснее становится, что он думал, будто бы только рабочий, убежденный в обладании *Истиной* и в следовании *Правильному курсу*, мог постоянно работать, и страдать, и приносить жертвы революции» (Ballestrem 1969: 283; курсив оригинала). Именно это и есть, утверждает Баллестрем, «решающий исторический момент при переходе от идей Маркса к закрытой системе идеологии, которая носит более подходящее имя Марксизма-Ленинизма» (Ballestrem 1969: 284). Затем весь аргумент

---

⁶ Ср.: «Поэтому не будет преувеличением говорить о широком круге мнений, крайне неблагоприятных по отношению к “Материализму и эмпириокритицизму”» (Ruben 1977: 170). Советская литература об этой книге Ленина как минимум обширна. См., напр.: (Кедров 1959, 1983; Копнин 1969). Эвальд Ильенков также написал небольшую книгу, посвященную работе Ленина (Ильенков 1980).

Баллестрема строится вокруг этого тезиса, и в то время как некоторые его наблюдения кажутся правдоподобными, основную предпосылку, на первый взгляд, принять трудно. Рабочий (и крестьянин) почти наверняка не будет чувствовать себя потерянным без Истины и, скорее всего, будет точно знать, за что он хочет бороться (за лучшую жизнь) и как этого достичь (изменением действительных условий). В сущности, предполагать, что до Маркса (и группы сторонников Ленина как его наиболее авторитетных интерпретаторов и практиков) массы были потерянными и безразличными к революционной борьбе — все равно что подыгрывать ленинскому описанию истории революционной активности в России. Рабочие (и крестьяне) не расширялись без дела, ожидая, пока Истина снизойдет на них и пока Верный курс им откроется. Они боролись против авторитарной царской системы всеми возможными средствами. Если с учетом этого поправить интерпретацию Баллестрема, то мы должны сказать, что Ленин и его группа думали, будто бы то, что они преподнесли к столу, было не *теорией* Истины, а *практикой* Истины, политической стратегией, которая будет работать лучше предыдущих попыток сместить царизм и в конечном счете буржуазный капитализм.⁷ Расхождение Ленина и Богданова в том, что последний запятнал чистые марксистские понятия и тем самым сделал их менее употребимыми, менее эффективными на практике.

Ответ Богданова Ленину представляет собой среднее по размеру эссе, которое силится противостоять всем направленным против него обвинениям. Тон воинственен, однако основной посыл прозрачен: подход Ленина к марксизму основан на *вере*, в то время как марксизм является наукой и тем самым не может быть рассмотрен в качестве набора абсолютных незыблемых истин. Поэтому работа и называется «Вера и наука» (Богданов 2010). Тенденция рассматривать определенные истины как абсолютные — это тенденция веры, а не науки. Для науки не существует ничего абсолютного или вечного, только относительные и конечные истины, которые существуют сегодня и, скорее всего, исчезнут завтра. Вера статична — наука динамична. Богданов предлагает рассматривать борьбу за идею абсолютной и вечной истины как основной мотив книги Ленина. В качестве примера абсолютной и незыблемой истины Ленин выбирает уже знакомый нам пример из Энгельса: «Наполеон умер 5 мая

---

⁷ Хотя мы и упомянули, что философская книга Ленина в целом не считалась успешной, некоторые попытки переоценить ее теоретический потенциал все же были сделаны — ср. эссе Л. Альтюссера «Ленин и философия» (Альтюссер 2005). Собственное альтюссеровское понимание практической природы истины может быть обнаружено в понятии «теоретической практики», которое подробно обсуждается в его главной работе «За Маркса» (см. гл. 6 «О материалистической диалектике» в Альтюссер 2006: 231–286).

1821 г.». Ответ Богданова прост: это утверждение не является истиной ни в каком роде, это лишь простое корректное утверждение, которое не делает абсолютно ничего полезного. Критерием истины является практика, и если утверждение факта не может быть использовано на практике, то это не подлинная истина (Богданов 2010: 149).

Позиция Богданова базируется на его понимании природы знания, основанного исключительно на опыте: само понятие «абсолютная истина» фиктивно, поскольку содержание наших понятий основано на опыте, а опыт не содержит ничего, что было бы абсолютным или неизменным. Желание абсолютности — это желание полноты, целенаправленности, осмысленности жизни, желание религиозного (над-эмпирического) раскрытия Истины. Наука не имеет ничего общего с этим гонением за религиозным удовлетворением. Наука отказывается придерживаться набора абсолютных и вечных законов, и тем самым она представляет и артикулирует свою собственную деятельность в качестве формы *коллективной* организации опыта.⁸ Вера, с другой стороны, склоняется к авторитету и авторитаризму, — вера требует авторитет, в который будет верить, за которым будет следовать и который будет почитать (Богданов 2010: 157). К несчастью для всех участников, «пророками абсолютной истины» здесь являются два человека, которые, согласно Богданову, были бы потрясены обращением, которому они подверглись в руках новых мистиков типа Ленина: Маркс и Энгельс. Эти две исторические персоны с их собственными ограничениями и противоречиями воспринимаются так, будто бы они не могут допускать ошибок: либо все, что пишут Маркс и Энгельс, есть абсолютная истина, либо, если они могут ошибаться, их работы не стоят нашего рассмотрения. Это и есть авторитарное мышление в чистом виде: все или ничего.

Основой атак Ленина на «махизм» было высмеивание богдановских взглядов на истину как на организующую форму человеческого опыта. Ленин заимствует свой мыслительный эксперимент у Плеханова, который уже использовал его в своей полемике, но Ленин думает, что с таким подходом к вопросу он нашупал золотую жилу и

---

⁸ Ср. Богданов: «Мы полагаем, что трудное дело выработки целостного пролетарского мировоззрения должно выполняться коллективно и что борьба теоретических оттенков не должна заслонять от нашего сознания единства великого практического дела. История показывает, что всякая система идей — религиозная, философская, правовая, политическая — как бы ни была она революционна в эпоху своего зарождения и борьбы за господство, рано или поздно становится задержкой и препятствием для дальнейшего развития, силой социально-реакционной. Избегнуть этого фатального вырождения могла только такая теория, которая возвысилась над ним познавательно, которая сумела объяснить его, раскрыть его причины. Такой теорией был марксизм» (Богданов 2010: 219)

что после такого довода никто не будет принимать подход Богданова всерьез. Интересно, что похожий аргумент использует современный французский философ Квентин Мейясу в своей версии нападения на то, что он называет «корреляционизмом».⁹ Вот как пишет Мейясу в 2006 году о проблеме «доисторического»:

Экспериментальная наука сегодня способна производить высказывания, которые касаются событий, предшествовавших появлению и жизни, и сознания. Эти высказывания состоят в датировке «объектов» намного более древних, чем какая-либо форма земной жизни [...] Какой смысл придается научному высказыванию о данности мира, который полагается до возникновения мышления и даже жизни — *то есть который полагается как предшествующий какой бы то ни было форме человеческого отношения к миру?* (Мейясу 2015: 18–19; курсив оригинала).

Общий смысл рассуждений Мейясу: если мы принимаем «корреляционистскую» предпосылку, связывающую утверждения об «объектах» с опытом, который обретают «субъекты» при столкновении с этими «объектами» (знание как корреляция между субъектами и объектами), то каким образом такой взгляд на познание имеет дело с событиями, произошедшими *до* «любой формы человеческого отношения к миру»? Рассмотрев некоторые вероятные возражения со стороны «корреляциониста», которые нас сейчас не интересуют, Мейясу снова противопоставит своему воображаемому оппоненту вопросом:

...нам достаточно задать корреляционисту следующий вопрос: *что же все-таки произошло 4,56 миллиарда лет назад? Имело ли место образование Земли, да или нет?* В некотором смысле — да, ответит он, потому что научные высказывания, которые указывают на такое событие, являются объективными, то есть интересубъективно верифицированы. Но в другом смысле — нет, добавит он, потому что референт таких высказываний не мог существовать в том виде, как он наивно описывается — то есть как не коррелирующий с сознанием (Мейясу 2015: 29; курсив оригинала).

---

⁹ Славой Жижек делает похожее наблюдение в своей книге «Меньше, чем ничто: Гегель и тень диалектического материализма»: «Аргументация Мейясу часто звучит как повторение печально известного “Материализма и эмпириокритицизма” Ленина (так, например, полностью вторя Ленину, он целиком редуцирует кантовский трансцендентализм к видоизмененной версии солипсизма Беркли). Действительно, “После конечности” можно эффективно прочесть как “Материализм и эмпириокритицизм”, переписанный для XXI века» (Zizek 2012: 625).

Тем самым начинается новая и утомительная дискуссия о недостатках «корреляционизма». Исход этой дискуссии зависит от того, кто держит ответ: оппонент либо успешно преодолевает ее, либо терпит поражение и по-прежнему оставляет нас в рамках проклятой субъект-объектной корреляции.¹⁰

А вот что пишет по этому поводу Ленин в разделе «Существовала ли природа прежде человека?» «Материализма и эмпириокритицизма»:

Мы уже видели, что этот вопрос является особенно ядовитым для философии Маха и Авенариуса. Естествознание положительно утверждает, что земля существовала в таком состоянии, когда ни человека, ни вообще какого бы то ни было живого существа на ней не было и быть не могло. Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития. [...] Материя есть первичное, мысль, сознание, ощущение — продукт очень высокого развития. Такова материалистическая теория познания, на которой стийно стоит естествознание (Ленин 1968а: 71–72).

Ленин высмеивает все попытки разрешить это противоречие, будь то через понятие координации («корреляции» в словаре Мейясу) или же через понятие проекции (человеческий субъект воображает, будто он присутствует прежде, чем он существует и познает реальность на опыте): «Софистика этой теории так очевидна, что неловко разбирать ее» (Ленин 1968а: 74). Ленин снова отсылает к Плеханову, который отвергал идеализм (не существует объекта без субъекта), предполагая, что, поскольку земля («объект») существовала прежде, чем возникло человечество («субъект»), то, вуаля, идеализм опровергается здравым смыслом!

Ленин снова возвращается к примеру «Земли до человечества» обсуждая характер «объективной истины» и непосредственно Богданова: «Естествознание не позволяет сомневаться в том, что его утверждение существования земли до человечества есть истина. [...] Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина. [...] если истина есть организующая форма человеческого опыта, то не может быть истинным утверждение о существовании земли вне всякого человеческого опыта» (Ленин 1968а: 124–125).

---

¹⁰ Из-за ограниченного формата данного эссе мы вынуждены отказаться от детального рассмотрения современных дебатов о реализме, возникших в результате противостояния Мейясу «корреляционизму», — чтобы ознакомиться с некоторыми вопросами см. (Bryant, Srnicek and Harman 2011). См. блестящую критику и контрнарратив в (Wolfendale 2014).

Ленин и веком позже Мейясу сделали свою философскую ставку на вызов «идеализму», или «корреляционизму», который, как они считают, полностью разоблачает и отменяет любую попытку говорить о значимых научных утверждениях в терминах корреляции между наблюдателем и наблюдаемым — земля существовала в состоянии, когда за ней не наблюдал и ее не познавал человеческий субъект, и наука говорит нам об этом.

Ответ Богданова достаточно прост: когда мы мыслим мир, предшествующий человеческой коллективности, мы мыслим его в перспективе той самой человеческой коллективности и человеческого опыта. Когда мы представляем себе до-человеческую Землю, мы представляем ее так, как если бы она переживалась нами в опыте прямо сейчас. Когда мы ставим вопрос о событии возникновения Земли, не проецируем ли мы наш нынешний опыт наблюдения на прошлое? Как мы можем думать и говорить о таком событии, мысленно не помещая себя в ситуацию, изнутри которой мы можем наблюдать за этим событием? Это возможно только потому, что мы способны на базовую проекцию. Любая другая интерпретация предполагает существование некоторого мистического внешнего наблюдателя в качестве точки отсчета. Для Богданова все эти понятия легко объяснимы, поскольку все они в конечном счете сводятся к одному вопросу: каким образом наука приходит к знанию о том, какими вещи были до возникновения человеческого опыта?

Люди рылись в земной коре, в поисках за полезными металлами и минералами, изучая в трудовом опыте расположение и взаимоотношения различных пластов земли; на обрывах и расщелинах гор находили они сложные картины взаимной связи этих пластов, важные и интересные для эксплуатации скрытого богатства земли. В то же время люди наблюдали, — а иногда испытывали и на самих себе, — различные стихийные процессы, изменяющие строение земной коры. Весь этот материал опыта, естественно, организовался в ту объединяющую идею, что нынешнее состояние земной коры есть результат долгого развития.

Далее, в различных пластах коры находились остатки различных организмов, растительных и животных. В позднейших наслоениях имеются остатки человеческих существ и человеческого труда; в более глубоких таких следов не имеется, а есть только скелеты животных более низких типов. Идя дальше в глубину, за известным пределом не находится уже никаких указаний на органическую жизнь. Этот палеонтологический материал, в связи с современно биологическим, можно гармонически объединить, организовать только в такую идею, что «земля существовала до человека, и даже до всякой жизни вообще».

Разве же не очевидно, таким образом, что данная идея есть именно организующая форма опыта? (Богданов 2010: 178–179).

Если учитывать богдановскую концепцию истины для понимания того, какого рода организующая форма опыта стоит за настаиванием Ленина на абсолютной природе истины, мы можем однозначно увидеть, что главная задача последнего состоит в продвижении не науки, а формы догматизма. Ленинская истина не является, как он утверждает, объективным и бесстрастным поиском научного соответствия между мышлением и бытием, между субъективным опытом и объективной реальностью, фундирующей этот опыт. Истина Ленина — это организующая форма опыта, которая выдвигает свою позицию в качестве объективной лишь для того, чтобы скрыть свою идеологическую программу. Кроме того, согласно Богданову, идеологическая программа Ленина, как раз поскольку она представляет себя как не имеющую никакой программы, следует тенденции авторитарной эпохи человеческого развития, во времена которой мир был поделен на организаторов и организуемых, на экспертов и массы, на Бога и его создания.

Представление о том, что каждая человеческая эпоха имеет свое собственное понятие истины, разумеется, не нова для Богданова, все русские марксисты того времени рассматривали ее как заимствованную из гегелевского понимания характера человеческой истории. Однако, если в гегелевской версии Дух развивается от примитивных и ограниченных форм к более совершенным и в итоге более истинным воплощениям, то позитивистская версия Богданова исключает такой абсолютный *телос* и заменяет его относительностью понятия коллективного блага. Богдановская теория идеологического развития, хотя и ограничена в силу исторической ситуации, представляет собой версию марксизма, которая, к сожалению, не пережила догматической атаки плеханово-ленинской ортодоксии. Мы говорим «к сожалению» не для того, чтобы предположить, будто бы версия Богданова была каким-то образом «лучше» ленинской, но чтобы подчеркнуть, что исключение многих (если не всех) вариантов русской марксистской мысли в ходе консолидации позиций внутри марксизма после 1917 года обеднило набор его теоретических и политических идей и принципов.

Марксизм — наука или вера? (Богданов против Плеханова)

В то время как атаки Плеханова и Ленина внимательно изучались и обсуждались (можно вспомнить о довольно большой библиотеке советских книг, посвященных «Материализму и эмпириокрити-

цизму» Ленина), энергичные ответы Богданова им обоим не были широко доступны исследователям в СССР.¹¹ Большинство его крупных работ были переизданы в факсимильных изданиях, но никаких новых академических изданий книг и эссе Богданова по этому вопросу с момента первоначальных дебатов не появилось.¹² Таким образом, чтобы понять возражения Богданова догматическому марксизму, давайте взглянем и на его ответы плехановской критике, и на собственные попытки понять природу марксизма.

Хотя Богданов был активно вовлечен в полемику с Плехановым в разных публикациях, сумма всех несогласий вышла в форме небольшого памфлета, озаглавленного «Приключения одной философской школы» (Богданов 1908). В него вошло пять таких «приключений», и первые два относятся к тому, что обсуждалось выше: материя как вещь-в-себе и природа объективной истины. «Школа» Плеханова, пишет Богданов, претендует на то, чтобы быть материалистической школой, но понимает материю не в научном смысле — как то, что испытывает и описывает наука (физика, химия и т. д.), но в абстрактно-метафизическом смысле — как то, что лежит в основе всякого опыта: материя как неправильно понятая кантовская вещь-в-себе. Опыт всегда находится под подозрением, поскольку он якобы субъективен и принадлежит индивидууму (скорее коллективный опыт будет простым сложением индивидуальных опытов, чем индивидуальный опыт будет неполным и изолированным фрагментом коллективного опыта). Субъект опыта является собственником своих ощущений. Любая истина, основанная на опыте, не может достичь необходимого уровня объективной истины. Материя — это то, что лежит за пределами опыта, поэтому она определяет весь возможный опыт: она является причиной наших ощущений, она дает нам всю необходимую информацию об объективной реальности. Но что есть материя? Мы не знаем этого и не можем знать. Мы можем лишь знать действие этой материи на нас; ее действительные качества и природа нам недоступны. Для Богданова это чистая метафизика: известное нам объясняется ссылкой на то, что невозможно познавать и переживать напрямую.¹³

---

¹¹ Если ответы Богданова и упоминали (что в целом нехарактерно для многих советских книг по этой теме), то лишь отвергая их как «пасквиль» и «клевету» (Кедров 1983: 14).

¹² В 2001 году Валериан Попков и др. создали Международный институт Александра Богданова (<http://www.bogdinst.ru>), который опубликовал и распространил много полезной информации о работе Богданова в области теории систем, экономики и «тектологии». В 2013 году серия “Historical Materialism” в издательстве Brill организовала проект публикации главных теоретических работ Богданова (Alexander Bogdanov library; <https://bogdanovlibrary.org>).

¹³ Сравните этот взгляд со взглядом Михаила Эпштейна, который рассматривает ленинскую «материю» в похожей перспективе: «Согласно Ленину

Следующий вопрос близок к первому: природа объективной истины связана с нашим доступом к реальности, с нашим научным стремлением получить как можно больше знаний о реальности. Объективная истина не может быть абсолютной и неизменной, поскольку она основывается на опыте, и наука не может утверждать, что открыла некий вечный закон природы, поскольку научные исследования способны произвести только случайные истины, ожидающие того момента, когда они будут заменены другими, более точными и лучше артикулированными, но все еще случайными истинами будущей науки. Однако, когда дело доходит до научных открытий Маркса и Энгельса, такая логика не работает. Эти два мыслителя наделены настолько фундаментальной способностью проникновения в суть вещей, что все результаты их *научного* наблюдения становятся абсолютной и вечной истиной. Будущие поколения могут лишь дополнять и подтверждать открытия, совершенные двумя пророками.¹⁴ Что за связь им удалось установить с вечно движущейся материей, связь, дающую нам все, в чем мы нуждаемся с точки зрения научного знания, и вместе с тем никогда не раскрывающую своей потрясающей силы?

Полное благоговение Плеханова перед основателями марксизма всегда было мишенью для Богданова, однако это благоговение подмечали и высмеивали многие. Павел Юшкевич упоминает историю о халифе Омаре, который, как считается, выдвинул предположение, что все книги Александрийской библиотеки должны сгореть: «В одном из них [рассказов] повествуется о поступке халифа Омара, приказавшего сжечь все книги александрийской библиотеки: если, рассуждал он, в этих книгах говорится то же, что и в Коране, то они

“материя” существует независимо от любых ощущений в качестве примордиальной реальности, которая предшествует и определяет содержания человеческого опыта [...] “Материя” в этом материалистическом понимании — не что иное, как *гиперматерия*, самая абстрактная из всех идей, наделенная предикатом примордиального и самопорождающего существования. Более того, “материи” приписывается самосознание, самопорождающее движение, диалектическое противоречие, тезис и антитезис, утверждение и негация, согласие и несогласие, т. е. все качества активной, одушевленной и даже рациональной сущности, хотя в то же время “материальное” представляется в качестве антипода “духовного” или “идеального»» (Epstein, Genis and Vladiv-Gover 1999: 22–23).

¹⁴ Ср. Богданов: «Раз есть “вера”, должен существовать и авторитет, от которого она исходит, авторитет, которому должно верить. Абсолютное — одно из имен этого авторитета. В данном случае “абсолютное” воплощается в идеях, когда-либо и где-либо высказанных Марксом и Энгельсом. Это — пророки абсолютной истины. И совершенно понятно, что, как пророки, они не должны, не могут говорить чего-либо неверного: либо они, действительно, пророки — и тогда всякое их слово вдохновенно, — либо они способны были ошибаться, — но тогда они такие же люди, как мы, и кому же в таком случае устанавливать абсолютную истину?» (Богданов 2010: 157–158).

излишни, не нужны; если же в них есть что-нибудь новое, то они вредны, так как идут против слова Божия» (Юшкевич 1909: 389). Для Плеханова любое достижение марксистской науки либо уже было представлено в трудах Маркса и Энгельса (и потому бесполезно о нем рассуждать), либо же оно является отклонением от истинной марксистской мысли (и потому опасно). Внимательный исследователь полемических работ Плеханова часто сталкивается со следующей дилеммой: если все, что должно быть написано, уже было написано Марксом и Энгельсом, то зачем кому-то нужны такие воодушевленные ученые, как Плеханов с его письмами, памфлетами, эссе и книгами? Но поскольку Плеханов все же существует и производит такой объемный продукт, следовательно, какие-то упущения должны присутствовать у оригинальных марксистских авторов, нечто, требующее от учеников прикладывать усилия к объяснению и защите их позиций. Если Маркс и Энгельс суть истинные пророки, то Плеханов, несомненно, является их наиболее преданным учеником, задача которого состоит в распространении благой вести «научного социализма» без искажений и добавок. Использование религиозного языка довольно заметно во всем корпусе полемических работ Плеханова: существуют правоверные (преданные) ученики, а также ложные пророки и еретики.

Самоотверженная миссия Плеханова, преданного ученика двух пророков марксизма, заключалась в том, чтобы защитить их доктрину от любых исправлений или изменений, происходящих от взаимодействия с современным научным дискурсом. То, что изначально было попыткой научного описания реальности капитализма, согласно Богданову, стало догматичным повторением позиций и взглядов, которым присуждался истинный статус попросту потому, что их сформулировали Маркс и Ленин. Для Богданова это неизбежно приводит к возникновению определенной формы *фетишизма*, и в своем более масштабном столкновении с Плехановым и Лениным (хотя Ленин появился только в приложении, а Плеханов и вовсе не был упомянут по имени ни разу) он представляет собственный взгляд на данный вопрос. Книга получила меткое название «Падение великого фетишизма» (2010). Критика Плеханова и Ленина была не просто очередным выпадом против их обвинений и контраргументов; она является частью более широкого исследования *источника* их ошибок. Представив свою теорию идеологии в первой главе, Богданов затем прослеживает возникновение «фетишизма норм» — простых технических руководств к действию, становящихся абстрактными (оторванными от практики) правилами и нормами, и «фетишизма идей» (здесь познание появляется как абстрактная форма соединения различных технических правил и норм), — которое завершается окончательным падением «великого фетишизма» ввиду развития пролетарских коллективных форм идеологии.

Фетишизм норм — это форма фетишизма, в которой коллективная практика предстает в качестве производителя ряда технических правил; эти правила превращаются в самодовлеющий фетиш норм, который отныне доминирует над создавшим его коллективом. Фетишизм идей — это форма фетишизма, в которой практика истины, набор коллективного опыта, именуемого «знанием», превращается в самостоятельный фетиш индивидуалистического мышления авторитарного толка. Отныне индивидуальный мыслитель создает и разрабатывает различные идеи. Коллективный опыт, который производит эти идеи, — предопределяя мысль — игнорируется и отвергается. Все это происходит в результате распада первоначального коллектива и появления отчужденного индивидуального актора и мыслителя. Но эта индивидуальность — иллюзия, фетиш: то, что означает практику коллектива, берется в качестве самостоятельной независимой реальности. Здесь капитализм предоставляет нам некоторую помощь тем, что создает новую коллективность пролетарских рабочих, которые изначально были вынуждены сотрудничать с капиталистами, но затем, согласно марксистскому анализу, создали новый класс, способный преодолеть этот «великий фетишизм» и произвести необходимые условия для будущего социалистического общества. Пролетарский коллектив еще не является финальной формой, и только через ряд дополнительных шагов он станет тем, чем должен быть. Движущей силой этого развития является товарищеское сотрудничество, к которому приходит пролетариат, поскольку его культура медленно, но верно переходит от фетишистских форм мышления и действия к социалистическим формам товарищеского сотрудничества и коллективного со-существования. Это не возврат к примитивному коллективизму до-фетишистского общества, но продвижение к более продуманной и более четкой форме коллективизма. Здесь не только человеческие существа объединились с другими человеческими существами, но и весь человеческий коллектив соединился с технологией (машинами), которую он создал, и внешним миром, который находится в процессе приручения человеком. Здесь мы имеем своего рода кибернетический коллективизм.¹⁵

Размышляя о природе «идеологического кризиса», Богданов очень ясно подчеркивает, что Плеханов и подобные ему старомодные авторитарные фигуры по-прежнему связаны с индивидуалистическим мышлением, которое почитает отдельных гениев, вместо того чтобы следовать по пути их мысли в сторону будущего коллектива. «Казалось бы, нет учения, более полного критики, более враж-

---

¹⁵ Интересное использование идей Богданова в этом направлении см. в (Wark 2015).

дебного духу авторитета, чем наш марксизм. И между тем, насколько еще обычно поистине рабье отношение к словам и писаниям великого учителя! Насколько обычен способ доказательства или опровержения различных теоретических и практических положений ссылками на то, что Маркс думал так-то!» (Богданов 2010: 116–117). Несмотря на отсутствие явных отсылок к Плеханову, любому читателю того времени ясно, что именно его мышление и позиция опровергаются как фетишистские и авторитарные формы поклонения героям. Там, где по-прежнему господствуют фетишистские формы теории и практики, — отдельно взятый мыслитель, создающий идеи, отдельно взятый лидер, ответственный за организацию всех действий, — мы обнаруживаем лишь религиозную привязанность к личности Маркса, а не коллективную разработку, развитие и, да, исправление его идей на основе нового коллективного опыта и новой науки.

Где же тогда истина? Для Богданова только фетишист связывает истину с абсолютным и вечным утверждением о характере реальности — в форме «идеи» пустое утверждение оторвано от своего источника в социальной реальности и труде. Истина — это не что иное, как «живая, организующая форма опыта» (Богданов 2010: 71). Если же эта практика — практика угнетения и эксплуатации, то истина — это форма такой практики: буржуазные философы обслуживают нужды буржуазной эксплуатации, отделяя истину от ее роли в практике угнетения и таким образом создавая абстрактную истину соответствия между идеей и реальностью. Эти истины представлены как объективные и самодостаточные, однако пролетариат и его борьба против угнетения и эксплуатации легко обнаруживает, что эти истины — «орудия поддержания и закрепления того порядка вещей, против которого он борется, — орудия господства тех, кто господствует, подавления активности тех, кого эксплуатируют» (Богданов 2010: 108). В итоге истина — это то, что истина делает.

Аргументы Плеханова против оппонентов, включая Ленина и большевиков, всегда опирались на необходимую связь его теоретических взглядов (истины) и политических позиций (практики). Ложная теория по определению порождает ложную практику — если некто является марксистским еретиком, то он является и политическим девиантом. Большевики не были марксистами по своим политическим взглядам, так как они были «махистами» и изменниками марксизма. В ответ, когда Ленин и его сторонники атаковали плехановские политические рекомендации 1905 года (и позже 1914-го), они осудили его действия как идущие против марксистской теории и тем самым заклеили его как отступника от ортодоксии. Убеждение в том, что теория должна соответствовать практике, оставалось неоспоримым. Даже притом что Ленин и Богданов на время согласились с тем, что расхождение по философским вопросам допустимо,

согласно официальной (читай: ленинской) версии событий, конфликт все равно вышел на поверхность, так как предполагаемые теоретические грехи Богданова стало слишком сложно игнорировать. В этом удивительно не-марксистском взгляде теоретическая *мысль* определяет практическое *бытие* того, что ее развивает.

Когда Маркс говорит, что критерий истины есть практика, то он выражает этим, прежде всего, именно точку зрения относительности истины. С изменением содержания практики людей изменяется и их истина. То, что было истиною в пределах практики более узкой, перестает быть ею в практике более широкой (Богданов 2010: 181).

Заключение: о будущем «научного социализма»

Разбор характера истины и последствия этого исследования для опыта истины в период, рассматриваемый в этом эссе, должны быть помещены в контекст того, что случилось далее: революция 1917 года и последующее формирование и рост абсолютно новой политической системы, известной как Советский Союз. Большинство исследователей советского марксизма вызывают термин «диалектический материализм» с четко определенной линией, которая, как считается, начинается с Маркса и Энгельса и простирается от Плеханова, Ленина и Сталина до легендарного унылого догматизма позднего советского *диамата*. Однако истинное рождение диалектического материализма как воинственной модели «ортодоксального марксизма» должно быть возведено к знаменитому переизданию в 1920 году «Материализма и эмпириокритицизма», которое должно было разрушить в очередной раз настойчивую популярность различных новаторских разработок марксизма во главе с версией Богданова.

Вопреки советскому историческому описанию, зачастую некритически воспринятому западными комментаторами, нападение Ленина на «реакционную философию» Богданова в первом издании «Материализма и эмпириокритицизма» в 1909 году не возымело желаемого эффекта и было отклонено как пристрастная *политическая* атака на бывшего союзника, нацеленная на то, чтобы набрать *политические* очки вместе с новыми приспешниками. По большей части забытая, книга после переиздания в 1920 году вдруг стала эффективным оружием «ортодоксии», но не в силу своей философской аргументации, а вследствие политической власти ее автора. Борьба Ленина против «реакционной философии» Богданова вылилась в некоторое количество чисто философских дискуссий, завершившихся знаменитыми дебатами «диалектиков-против-механицистов»,

длившихся с 1924 по 1929 год.¹⁶ Диалектический материализм возник как военизированная (и репрессивная) версия марксизма с очевидной целью создания ригидной и систематической доктрины «научного социализма», что привело к подавлению подлинных дискуссий о сущности марксизма к 1929–1930 годам.

Конец активной борьбы в Гражданской войне и введение нэпа в марте 1921 года открыли подлинно новую эру в жизни новоиспеченной советской республики. Период между концом «военного коммунизма» и поражением Бухарина (и подъемом сталинизма) — довольно подробно изученный отрезок истории Советского Союза. Большинство исследователей данного периода соглашаются, что это было, словами Стивена Коэна, «богатое и разнообразное десятилетие интеллектуального брожения». Коэн продолжает: «В философии, литературе, экономике и других сферах широкомасштабные теоретические разногласия, как относящиеся, так и не относящиеся к политическим дебатам в партийном руководстве, сделали его наиболее живым периодом в истории большевистской мысли и одним из наиболее интересных в истории марксистских идей» (Cohen 1973: 108). После того как революция была успешно защищена, марксистская природа советского государства и его будущее стали главными вопросами горячих дискуссий как внутри, так и за пределами академических институций (таких как Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, основанный в 1918 году, и Институт красной профессуры, основанный в 1921 году) и журналов (таких как знаменитый толстый марксистский журнал «Под знаменем марксизма», основанный в 1922 году).

Поскольку ни Маркс, ни классики марксизма не высказались достаточно конкретно по поводу возможности построения действительных социалистических обществ (независимо от того, как можно интерпретировать доказательства, обнаруживаемые в их произведениях), вопросы как практического, так и теоретического обоснования социализма были важны для первых дискуссий после Гражданской войны. Ленин и его теоретические сподвижники были в каком-то смысле не готовы к взрыву различных теоретических инициатив, каждая из которых утверждала, что следует изначальным марксистским интенциям. Проблема новой философии, в конечном счете поставленная и «разрешенная» во время спора «диалектиков-против-механистов», возникла в ранние двадцатые как ключевая проблема советской идентичности: что должно было получиться из нового «социалистического» государства, которому больше не угрожало уничтожение со стороны внутренних и внешних врагов?

¹⁶ Подробное обсуждение этих дебатов см. в (Yakhot 2012).

С одной стороны, был Плеханов с его «ортодоксальным» марксизмом (т. е. «диалектическим материализмом»). Симпатии Ленина всегда находились на стороне плехановской версии марксизма, несмотря на личные и политические разногласия. С другой стороны, были и те, кто стремился расширить собственное понимание марксизма до новой и неизученной теоретической, политической, социально-экономической и культурной областей. Вопрос о том, что станет с марксизмом, после того как он установился в качестве официальной доктрины нового государства, был вопросом о будущем марксизма либо как формы философии (и идеологического конструкта, нацеленного на теоретическую разработку), либо как формы науки.

Кончина Плеханова в 1918 году, а также его поздние политические взгляды сделали невозможным для большевистского правительства публикацию и распространение его произведений (официальная попытка создать собрание сочинений была сделана лишь в 1922 году). В это же время, с 1917 по 1920 год, Богданов опубликовал 24 различные работы (Biggart 1987: 242).¹⁷ Вдобавок к популярности Богданова-писателя его влияние может быть также обнаружено в публикации руководства по «марксистской социологии» Николая Бухарина под названием «Теория исторического материализма» (переведенного на английский как “Historical Materialism: A System of Sociology” [1925]). Этот популярный учебник выдержал пять переизданий с 1921 по 1928 год. Он представил марксизм новому поколению советских студентов как науку об истории, способ понять и продолжить новое научное строительство будущего социалистического общества.¹⁸

В 1922 году журнал «Под знаменем марксизма» опубликовал короткое (в действительности, укороченную версию более объемного произведения) эссе Сергея Минина «Философию за борт!» (Минин 1922). Аргумент Минина был достаточно прямолинейным и в упрощенной версии может быть пересказан следующим образом: если социализм — действительно позднейшая (последняя) стадия человеческого развития, то ясно, что религия была продуктом рабовладельческих и феодальных обществ, философия — капиталистической стадии, а наука — социалистической; необходимость в философии исчезнет, как только человечество достигнет идеальной стадии социализма, охарактеризованной наукой. Как пишет Минин: «Помещики-рабовладельцы, феодалы, крепостники поль-

---

¹⁷ Главная поздняя теоретическая работа Богданова «Всеобщая организационная наука (Тектология)» появилась в новом двухтомном издании в 1917 году (Богданов 1917). Другое издание этой работы, теперь названное «Тектология: всеобщая организационная наука», увидело свет в 1922 году (Богданов 1922).

¹⁸ Подробнее о связи Бухарин–Богданов см. в (Biggart 1992).

зовались оружием религии. Буржуазия воевала при помощи философии. Пролетариат же опирается в борьбе исключительно на науку» (Минин 1922: 122). Наука, продолжает Минин, это знание о материальном мире, приобретаемое человеческими существами, поскольку они воздействуют на мир. Затем Минин цитирует несколько текстов Маркса и Энгельса, в которых те отрицают существование будущего для философских построений прошлого (особенно для Гегеля) и определяют «диалектический материализм» как науку об универсальных законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления.

Эссе Минина было опубликовано как часть полемиического раздела и было сразу же встречено возражением. «Может ли существовать такая вещь, как пролетарская философия?» — спрашивает респондент. После упреков Минина в некоторой терминологической путанице автор ответа утверждает, что поскольку Маркс и Энгельс использовали философию для создания своего «диалектического материализма» (материализм и диалектика являются философскими понятиями), то мы не должны отвергать философию. Далее следуют многочисленные ссылки на классиков «марксистской философии» — стратегия, которая быстро станет характерной для многих советских «диспутов». В итоге респондент заключает, что призывы Минина к отказу от философии основаны на непонимании роли философии в марксизме. Там нет реального обсуждения сути вывода, который делает Минин, — в борьбе за социализм рабочий класс должен использовать науку, а не философию.

Короткий период с 1920 по 1929 год был плодотворным для философских дискуссий, которые, несмотря на более или менее сомнительную тактику спора всех принимавших в них участие философских лагерей, можно описать как достаточно открытые и продуктивные. Философское или, пользуясь идиомой того времени, идеологическое разнообразие ранних двадцатых не поддавалось простой манипуляции и управлению со стороны партийных чиновников. Борьба за идеологическое единство, временами манипулятивная и лживая, временами искренняя и мотивированная подлинной озабоченностью теоретической чистотой, не была обречена на то, чтобы закончиться сталинской ликвидацией свободы, поскольку в марксистских дискуссиях того времени не было ничего исконно «тоталитарного». Тем не менее череда репрессий инакомыслия через «партийную дисциплину», безусловно, была сильна и набирала обороты.

Хотя многие могут думать, будто последние страницы действительно интересной советской философии были написаны в двадцатые и с началом сталинских репрессий были навсегда утрачены, фундаментальный вопрос о статусе марксизма в качестве науки продолжил обсуждаться и выноситься в центр публичных дискуссий и

позднее. Советский марксизм, как и любое другое философское направление, пережил свои взлеты и падения, однако так и не смог покончить ни с оригинальными мыслителями (такими как, например, Эвальд Ильенков), ни с оригинальными подходами к Марксу и Энгельсу.¹⁹ Главный вопрос остается следующим: является ли марксизм набором философских принципов, созданным для продвижения вперед наших обсуждений будущего человеческого общества, или же это наука, которая позволяет нам прогнозировать экономические и политические последствия исходя из наличия данных о настоящем моменте?

В рецензии на недавно опубликованные книги о Марксе в *The New Yorker* (Menand 2016) автор связывает нынешнюю актуальность (и даже популярность) Маркса с событиями русского и советского марксизма: «Русская революция заставила мир принимать марксистскую критику капитализма всерьез. После 1917 года коммунизм перестал быть утопической фантазией» (Menand 2016: 92). Нет сомнений в том, что марксизм начал свое теоретическое возвращение после глобального экономического коллапса 2008 года. Однако вопросы о его современной роли по-прежнему остаются. Для некоторых советский опыт — лучший аргумент *против* жизнеспособности марксистского подхода, в то время как для других — это свидетельство его невероятной стойкости и адаптивности. Вопрос о том, является ли марксизм философией или наукой, это вопрос, который предполагает, что мы знаем и правильно понимаем природу этих концептов. Если мы принимаем терминологию Богданова, то мы должны спросить себя, способен ли марксизм и сегодня производить набор научных истин, способных организовывать социальную жизнь так, чтобы развивался тот потенциал человечества, который был бы способен совершить переход от капиталистической эксплуатации к полноценному социалистическому коллективу.

Перевод с английского Валерии Левчук

---

¹⁹ Пересечение между Ильенковым и Михаилом Лифшицем особенно плодотворно и было затронуто некоторыми русскоговорящими исследователями приблизительно в последнее десятилетие. В теоретической интеракции между ними Лифшиц защищает специфический для «диамата» подход к объективной истине в искусстве и артистическом выражении, тогда как Ильенков настаивает на более искусном и нюансированном прочтении Маркса в гегельянском контексте. Для дальнейшего чтения см. (Лобастов 2004; Лифшиц 2003). Англоговорящие читатели теперь имеют возможность ознакомиться с некоторыми из этих обсуждений благодаря таким недавним публикациям, как (Levant and Oittinen 2014).

Библиография

- Аксельрод, Любовь (1906). «Новая разновидность ревизионизма». В кн.: Аксельрод, Любовь, *Философские очерки*. СПб.: Издание М. М. Дружининой и А. Н. Максимова.
- Альтюссер, Луи (2005). *Ленин и философия*. М.: Ad Marginem.
- Альтюссер, Луи (2006). *За Маркса*. М.: Практис.
- Базаров, Владимир (1908). «Мистицизм и реализм нашего времени». В кн.: Очерки по философии марксизма. М.: Звено.
- Базаров, Владимир (1910). На два фронта. СПб.: Прометей.
- Богданов, Александр (1907). «Открытое письмо Плеханову». Вестник жизни 7: 46–47.
- Богданов, Александр (1908). *Приключения одной философской школы*. СПб.: Знание.
- Богданов, Александр (1917). *Всеобщая организационная наука (Тектология)*. М.: Книгоиздательство писателей в Москве.
- Богданов, Александр (1922). *Тектология: всеобщая организационная наука*. Берлин: З. И. Гржебин.
- Богданов, Александр (1995). «Десятилетие отлучений от марксизма». В кн.: *Неизвестный Богданов*, в 3 тт., т. 3. М.: AIRO-XX.
- Богданов, Александр (2003). *Эмпириомонизм*. Т. 3. М.: Республика.
- Богданов, Александр (2010). «Вера и наука». В кн.: Богданов, Александр, *Падение великого фетишизма*. М.: URSS.
- Володин, Александр (1982). *Бой абсолютно неизбежен*. М.: Издательство политической литературы.
- Гегель, Фридрих Вильгельм (2015). *Феноменология духа*. М.: Наука.
- Деборин, Абрам (1908). «Философия Маха и русская революция». *Голос социал-демократа* 4–5: 3–12.
- Ильенков, Эвальд (1980). *Ленинская диалектика и метафизика позитивизма*. М.: Издательство политической литературы.
- Кедров, Борис (1959). *Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современное естествознание*. М.: Знание.
- Кедров, Борис (1983). *Как изучать книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»*. М.: Издательство политической литературы.
- Копнин, Павел (1969). *Философские идеи В. И. Ленина и логика*. М.: Наука.
- Ленин, Владимир (1935). *Ленинский сборник*. Т. 3. М.: Институт Ленина.
- Ленин, Владимир (1968а) «Материализм и эмпириокритицизм». В кн.: Ленин, Владимир, *Полное собрание сочинений*, в 55 тт., т. 18. М.: Издательство политической литературы.
- Ленин, Владимир (1968b). «Как Плеханов и Ко защищают ревизионизм». В кн.: Ленин, Владимир, *Полное собрание сочинений*, в 55 тт., т. 17. М.: Издательство политической литературы.
- Лифшиц, Михаил (2003). Диалог с Эвальдом Ильенковым. М.: Прогресс.
- Лобастов, Геннадий (2004). *Идеальное: Ильенков и Лифшиц*. М.: Микрон-Принт.
- Мейясу, Квентин (2015). *После конечности: Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый.

- Минин, Сергей (1922а). «Философию за борт!». *Под знаменем марксизма* 5–6: 122–127.
- Плеханов, Георгий (1956). «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса». В кн.: Плеханов, Георгий, *Избранные философские произведения*, в 5 тт., т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Плеханов, Георгий (1957). «Materialismus militans». В кн.: Плеханов, Георгий, *Избранные философские произведения*, в 5 тт., т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Тютюкин, Станислав (1997). *Г. В. Плеханов: Судьба русского марксиста*. М.: РОССПЭН.
- Энгельс, Фридрих (1960). *Развитие социализма от утопии к науке*. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Энгельс, Фридрих (1961). «Анти-Дюринг». В кн.: Маркс, Карл и Фридрих Энгельс, *Собрание сочинений*, в 50 тт., т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Юшкевич, Павел (1909) «На темы дня». В кн.: *Вершины*, кн. 1.
- Ballestrem, Karl G. (1969). “Lenin and Bogdanov”. *Studies in Soviet Thought* 9.4: 283–310.
- Baron, Samuel L. (1963). *Plekhanov: The Father of Russian Marxism*. Stanford: Stanford University Press.
- Biggart, John (1987). “Bukharin and the Origin of the Proletarian Culture Debate”. *Soviet Studies* XXXIX.2: 229–246.
- Biggart, John (1992). “Bukharin’s Theory of Cultural Revolution”. In *The Ideas of Nikolai Bukharin*, ed. Anthony Kemp-Welch, p. 133–158. Oxford: Clarendon Press.
- Bryant, Levi, Nick Srnicek, and Graham Harman (2011). *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re.press.
- Bukharin, Nikolai (1925). *Historical Materialism: A System of Sociology*. International Publishers. <https://www.marxists.org/archive/bukharin/works/1921/histmat/index.htm>
- Cohen, Stephen F. (1973). *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938*. New York: Alfred A. Knopf.
- Epstein, Mikhail, Alexander Genis, and Slobodanka Vladiv-Glover (1999). *Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture*. Trans. and ed. Slobodanka Vladiv-Glover. New York: Berghahn Books.
- Levant, Alex, and Vesa Oittinen, eds. (2014). *Dialectics of the Ideal: Evald Ilyenkov and Creative Soviet Marxism*. Leiden: Brill.
- Menand, Louis (2016). “He’s Back”. *The New Yorker*, October 10: 90–97.
- Rubin, David-Hillel (1977). *Marxism and Materialism. A Study in the Marxist Theory of Knowledge*. Sussex: The Harvester Press.
- Steila, Daniela (1991). *Genesis and Development of Plekhanov’s Theory of Knowledge*. Dordrecht: Springer Science + Business Media.
- Wark, McKenzie (2015). *Molecular Red: Theory for the Anthropocene*. London: Verso.
- Wolfendale, Peter (2014). *Object-Oriented Philosophy: The Noumenon’s New Clothes*. Falmouth: Urbanomic.

«Когда родился Цезарь?»

Yakhot, Yehoshua (2012). *The Suppression of Philosophy in the USSR (The 1920s and 1930s)*. Trans. Frederick S. Choate. Oak Park, MI: Merhing Books.

Yassour, Avraham (1983). "The Empiriomonist Critique of Dialectical Materialism: Bogdanov, Plekhanov, Lenin". *Studies in Soviet Thought* 26: 21–38.

Žižek, Slavoj (2012). *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso.